

Мой отец – кришнаит

Мне двадцать два, и я живу в собственной квартире. Один. Тихо и спокойно. Скучно, скажете? Ничего подобного. После всего того, что уже осталось позади, одиночество кажется мне раем. Земным раем. Эта тишина и душевное спокойствие – всё, о чём я мечтал около восьми лет. Не о миллионах, не о распрекрасных машинах, не о вилле на побережье... Только о тишине и возможности начать жизнь с чистого листа. О шансе стать другим человеком, вычеркнувшим из памяти всё то, что было в прошлом.

Мать родила меня двадцать второго сентября. Ей тогда было двадцать два. Речи о магии чисел не пойдёт, несмотря даже на то, что мой любимый хоккеист почти всю свою карьеру отыграл под номером «22» на спине. Это лишь так, к слову.

Из троих детей в семье я был самым голосистым. Родственники в шутку поговаривают, дескать, первый раз в жизни мне удалось закрыть рот лишь в трёхлетнем возрасте. К тому же в яслях я выделялся тем, что отбирал у всех детей соски, а в детском саду тем, что дарил всем и каждому свои рисунки. Многие твердили: растёт гуманитарий.

В школе с первого же класса я стал отличником. Читал быстрее всех, а задачи решал, словно семечки щёлкал. Начиная со средних классов, принимал участие в различных школьных олимпиадах. В то же время начал выступать за хоккейную команду из Ачинска на всероссийских и международных турнирах: отец поставил меня на коньки, когда я был ещё четырёхлетним увальнем.

В школьные времена от меня успели натерпеться и учителя, и тренеры. Первых я изо дня в день нарочно доводил до ручки, пытаюсь тем самым рассмешить одноклассников. А на хоккейных наставников постоянно обижался из-за того, что они от меня якобы слишком много требовали. При всём этом учителя почему-то предрекали мне успешное будущее в науке, а тренеры – большую спортивную карьеру.

Но я так и не стал ни известным учёным, ни великим хоккеистом. Кто-то скажет: невозможно в двадцать два года? Само собой. Но я заглядываю далеко в будущее. Не быть мне ни одним, ни другим. Разве что неплохим человеком, не более того. И это не пессимизм. Это реальность! Мне, никогда не имевшему авторитетов, кроме себя самого, уже сейчас видно, что из меня выйдет. Нет, спасибо, вешаться или стреляться я не стану. Лучше проживу ту самую тихую и мирную жизнь, не выделяясь из толпы.

Казалось бы, что заставляет меня – парня, который провёл безбедное детство, парня, с которым в те годы было весело проводить время, – думать именно так?! Этому не знает никто, кроме меня самого. Даже те, кто хоть как-то наслышан о моей юности, не совсем понимают то, что творится в глубине моей души. Старые товарищи по прошествии нескольких лет не узнают меня, поговаривая, что ТАК измениться невозможно! А недавние знакомые не верят в рассказы о том, что я вытворял в беззаботном детстве и каким был вообще...

В один прекрасный солнечный день мы с отцом сидели на его личной автостоянке.

- Папа, я сбегаю в ларёк?
- Ага, давай! Тебе, может, на «Сникерс» дать? – дразнясь, ответил отец.
- Ещё на газировку! Кстати, что-то тут сегодня неинтересно. В общем, я домой сразу пойду!

- Стой! – остановил он меня. – Держи ещё на фрукты. Матери апельсинов и груш возьмёшь. Скажешь, что я часика через два подойду.

- Скажу. Пока!

- Давай, жлобьяра! Чеши! Деньги на всякую ерунду не трать!

Я стремглав побежал к киоску, находившемуся неподалёку от стоянки. Купив всё, что было нужно, пришёл домой. И уже с порога почувствовал чудесный запах. Мама готовила аппетитные рёбрышки. Мои любимые. В духовке.

- Мам, папка тебе передал подарочек. Сказал, скоро уже домой придёт.

- Как хорошо! – ответила мама и выглянула из кухни. – Ну что, много там машин сегодня?

- На стоянке? Пока не очень. Короче, как обычно: они же все к вечеру подъезжают. Да и какая разница? Папка снова с кучей денег вернётся, вот посмотришь. Надо у него на «Пепси» выпросить.

- А у тебя ничего не слипнется? Каждый день – шоколадочки, газировочки, чупа-чупсики...

- Не слипнется. Все лопают сладости целыми днями – ни у кого же не слипается.

- Кто все? Садись, ешь, пока горяченькое.

Я принялся поглощать мясо.

- Как это здорово, что у нас своя стоянка. Это же так...

- Хорошо-хорошо! – перебила мама, потрепав меня по голове. – Ты жуй! А то сейчас папка придёт и всё съест.

- Не успеет, – заторопился я. – Я чай допью и на футбол пойду.

- Пойдёшь-пойдёшь!.. А это что? Снова футболку порвал? На тебя никаких денег не напасёшься. Снимай – зашью!

- Сейчас, вот только доем...

Так и не осилив полстакана чая, я снял футболку и в одних шортах помчался на стадион. Сказал, что вернусь к одиннадцати вечера.

Родители мной никогда особо не занимались. Несмотря на это, дефицита в общении, денежном довольствии и свободе выбора я не испытывал. Со стороны казалось, будто мне подготавливают почву для комфортного проживания, а моя задача – самому определяться с приоритетами. Учился я только для себя, и никто не следил за моими отметками и поведением в школе. Когда же мне пытались навязать что-нибудь в бытовом плане, я лишь отнекивался, ссылаясь на отсутствие интереса. Семейная политика сводилась к тому, что «мы тебя одеваем, кормим, а ты уж сам решай, кем тебе быть и чем заниматься».

Вот и в тот день я, сразу же после поглощения жареной вкуснятины, побежал играть в футбол. Само собой, разбей я ногу, поцарапай руку или ещё что, и мама тут же принялась бы меня лечить. Но то, как я себя вёл в гостях или на улице, не начал ли курить, не обругал ли кого, – родителей будто бы и не интересовало. Это мне ужасно нравилось. А любое давление с их стороны превращалось мною в истерику: не учите меня – я сам выберу свой жизненный путь. Для взрослых это казалось полнейшим заблуждением, за что отец не единожды меня попрекал и даже карал. Но кто мог знать, что пройдёт с десяток лет, и в итоге я окажусь прав?

Когда тебе четырнадцать, а окружающим тебя людям за тридцать, приходится постоянно выслушивать нотации о недостатке жизненного опыта. Тебя ни во что не ставят. Ты, конечно, сын родной, но, как ни крути, пока всего-навсего «сопля зелёная» и не имеешь права что-либо противопоставить взрослым. Только и думаешь, что «пройдёт немного времени, и я докажу свою правоту». Но над тобой лишь посмеиваются, как над дурачком. Хотя практически каждый человек, вырастая, превращается в «умного

родителя» и начинает учить «глупое дитя» уму-разуму. Так уж заведено. Где же молодому это понять?

В тот вечер папка пришёл довольно поздно. Сестра уже спала. Я, давно вернувшись со стадиона, просто лежал, уставившись в едва видимый потолок. А мать, едва сдерживая сон, по-прежнему ждала отца. Он говорил, что придёт домой через «парочку часиков», но с того момента прошло никак не меньше восьми часов.

В принципе, такое уже случалось. Да и у кого в семье не было чего-то подобного?.. Вот и я, после того, как отец вернулся, быстренько соскочил с кровати и в шутку спросил, где его носило. Но он выглядел как-то странно. Его состояние было чем-то средним между неожиданной радостью и серьёзным потрясением. Отец ничего мне не сказал, мгновенно удалившись в спальню, куда позднее пришла и мать. Они долго о чём-то беседовали. Но я не понимал ни слова.

- Да, они приехали на автобусе. Один из них зашёл в сторожку, спросил, нельзя ли поставить автобус бесплатно, – объяснял отец маме.

- Как бесплатно? – немного удивившись, ответила она.

- Они какие-то верующие. Я думал – Будда. Ну, говорю, мол, ставьте, если только на ночь. Они так приятно обо мне отозвались.

- Ещё бы... Нахаляву остановились. Я бы тоже радовалась.

- Тот, который заходил, сказал, что я сотворил крупнейшее служение. А ещё, что в следующей жизни обязательно рожусь в богатой семье, – радостно рассказывал отец.

- Чушь какая-то!

- Почему чушь? Он всё по полочкам разложил. Довольно интересно. Книгу подарил. Я уже на работе немного прочитал. Занимательно.

- Какие-нибудь иеговисты? – поинтересовалась мать.

- Нет, они из общества сознания Кришны.

- Кришнаиты? Фу! Делать больше нечего...

- Аккуратней с выражениями. К тому же не кришнаиты, а вайшнавьи. Или преданные, – пояснил отец.

- Ты что, в эту дрянь податься решил? Совсем крыша съехала?

- Кто сказал, что я куда-то подался? Просто, почему бы не прочитать? Интересная философия. Думаю, полезно будет.

- Ты это брось! Ещё нам тут не хватало... – уже немного нервно высказалась мама.

- Успокойся! Я что, в монахи постригся? – злобно усмехнулся отец.

- Если б в монахи... Просто ерундой занимаешься.

- Всё, отвали! Всю жизнь была дурой. Дурой и осталась. У твоих детей мозгов больше, чем у тебя...

Кто же мог знать, что эта книга, название которой «Бхагават-Гита», станет началом конца. Конец чего, спросит каждый? Конец всего: самого человека, который более не будет звучать гордо, и его семьи, которая постепенно развалится. С того дня прошло уже восемь лет – неприятно вспоминать о прошлом. Но ничего не забывается. И от всего этого на душе так пакостно и грустно, что хочется завалиться на диван и разреветься что есть мочи. Хотя, казалось бы, ты, мужик двадцати двух лет, от какого бы то ни было давления уже освобождён...

Поначалу всё шло абсолютно так же, как и раньше. Автостоянка приносила нашей семье приличный доход. Параллельно с этим отец продолжал обучать мальчишек

хоккейному мастерству, что являлось его работой с самого моего рождения. Но жадное чтение им той книги меня очень настораживало. Спустя месяц на его полке прибавилось ещё несколько книг подозрительной тематики. Мать критиковала отца за это, а он отвечал криками и нецензурной бранью. Когда же дело дошло до того, что внушительная часть доходов со стоянки начала уходить на пожертвования в незнакомый нам с мамой и сестрой кришнаитский храм, я начал осознавать: быть беде.

В принципе, меня никто не трогал, как и сестру, посему я особо не вникал во все эти тонкости. Но отец с матерью постоянно ругались, и это не радовало. Их конфликты возникали буквально на ровном месте. Я никак не мог понять причин их ссор, а тем временем родители продолжали называть друг друга глупцами. Мать стала немного холодно относиться к отцу, а тот, находясь дома, постоянно сидел за книжечками сомнительного содержания. Почему сомнительного? Да потому, что самому пришлось прочесть по нескольку страничек в некоторых книгах. Именно пришлось, так как отец настаивал, а отказ от его просьб обычно перевоплощался в наказание.

- Пап, а зачем тебе эти книги? – спросил я как-то у него.

- Эх, ты ещё маленький, чтобы понять. Здесь рассказывается о настоящей жизни. Не том уродстве и невежестве, в котором мы живём, а именно о жизни. Сейчас нет смысла тебе что-либо объяснять.

- Просто непонятно, зачем ты отдаёшь деньги каким-то незнакомым людям. Да и с мамой зачем ссоритесь?

- Сын, я тебе повторяю: ты ещё такой глупый, как и твоя мама. Мне тридцать восемь лет, тебе четырнадцать. Ну, так кто из нас умнее? С чьей колокольни виднее? Молчишь? Вот именно. Молчание – знак понимания.

- Да ничего я не понимаю!

- Ты, как и все, погружён в майю. Народ просто погряз в невежестве. Ваши головы замутнены. У вас мысли только о том, как бы набить себе брюхо, как бы кого-нибудь оттрахать, как бы сладко поспать... – мгновенно взорвался отец.

- Что к чему? Я кого-то трахаю, что ли? Что ты несёшь?

- Не огрызайся!

- Так, а чего ты ерунду какую-то говоришь? – надул я губы.

- Я не говорю ерунды. Да, ты никого не трахаешь. Но твоя головёнка занята только тем, чтобы вкусно покушать, чтобы удовлетворить свои ненасытные желания, чтобы...

- Хватит!!!

Я впервые после той истории с автобусом серьёзно заговорил с отцом, но совершенно непонятные речи вынудили меня заныть и уйти. Отцу это не понравилось.

- Куда ты пошёл? Ты считаешь себя умнее меня? – рявкнул он вдогонку.

- Причём здесь это? – всхлипывая, ответил я.

- Да притом, что отец говорит тебе о жизни. Но ты же такой умный! «Зачем выслушивать бредни этого придурка», да? Всегда держишь себя за такого умнягу, хотя на самом деле ты – просто баран!

- Когда «всегда»? – крикнул я и ещё сильнее разревелся.

- Не ори!

После этого я в первый раз за годы кришнаитского ига получил по лицу. Самое смешное заключалось в том, что батя часто бил мне в область очков, хотя сам же потом ходил их покупать. А несмешным было то, что если раньше я и получал тумаки, то более-менее по делу. И именно этот случай стал краеугольным камнем в дальнейшей судьбе наших «отношений». Ни за что до сей поры я ещё не огребался.

Прошло всего полгода, а от прежнего отца осталось лишь тело. Внутренняя составляющая поменялась коренным образом. Батя отказался от мяса, рыбы, яиц, грибов, лука, чеснока, кофе, чая и шоколада. Не говоря уже о многочисленных постах, которые он соблюдал и смысла которых я абсолютно не понимал. С любым проявлением азарта также было покончено. Хоккей с шайбой, который был неотъемлемой частью жизни отца, отныне не доставлял ему удовольствия.

Самым же непонятным и умопомрачительным стало то, что батя заявил матери о завершении их сексуальной жизни и снял обручальное кольцо, заставив жену сделать то же самое. Позднее он даже перестал спать с ней в одной постели, а в те моменты, когда мама пыталась приласкать его или же просто шлёпала по задку, батя взрывался, начиная проповедь о воздержании. Всё это исходило из четырёх заповедей его секты. То, в чём он погряз, было именно сектой, а не верой, как заявляли некоторые умники, и тем паче не наукой, о чём мне постоянно твердил свихнувшийся папаша.

Он менялся буквально на глазах. Со временем от бывшего отца, по большому счёту, не осталось и тела, так как он стремительными темпами терял вес. На тот момент батя уже знал, где находится кришнаитский храм, и каждое утро ездил из Дивногорска в Красноярск на утренние службы. Однажды ему вздумалось взять в храм меня и сестру. Отказаться было невозможно: будучи психически неуравновешенным ранее, он стал ещё более агрессивным. Его фанатизм переходил все мыслимые черты. И то, что я увидел в этом храме своими глазами, только прибавило во мне ненависти ко всему, чем увлёкся отец...

Сумасшедшие крики и обилие умопомрачительных лекций продолжались изо дня в день. Я больше не мог терпеть этой несправедливости и ущемления своих прав, которых у меня, по заявлению отца, не было. Я постоянно ныл: его психические припадки меня просто изматывали. Он стал называть себя хозяином квартиры, в которой все обязаны ему подчиняться.

Отныне нельзя было убивать насекомых: батя не хотел убийств в своей квартире. Той самой квартире, в которой чуть ли не целыми днями проводились так называемые нама-хатты, проще говоря, сборища кришнаитов, сопровождавшиеся звоном бубенцов, грохотом барабанов, невыносимыми лекциями и всеобщим бормотанием вслух мантры. Дома нельзя было есть мясное, потому что батя не желал появления в квартире трупятины. Нельзя было мыть посуду на кухне, так как там готовился прасад – пища для Кришны. А грязная посуда, таким образом, оскверняла якобы святую пищу.

Кстати, о прасаде. Всё это больше походило на абсурд. Кришнаиты, приготовив пищу, сперва ставили её на алтарь и предлагали своему божеству. Причём во время готовки пробовать варево было нельзя. Лишь после того, как Кришна производил свою трапезу, его рабы поглощали священную пищу, или, как они сами говорили, доедали остатки с его стола. Невозможно было не удивляться этим людям: съедая испробованный Кришной, к примеру, борщ, они отправляли к себе в желудок ещё и находящийся в тарелке лавровый лист, который «грешно выкидывать, ведь это часть прасада», а потом мучались от несварения.

Список нелепостей и «законов» можно с лихвой продолжать. Чего только стоит случай, когда батя, перед тем, как дать мне пылесос, попросил какое-то время не включать агрегат, чтобы успеть заклеить скотчем то отверстие, из которого выходит воздух. Непонятное мне заявление он растолковал так: «Я таракана внутрь засосал. Пускай там немного поживёт».

Родственники обо всём узнавали от меня, но поначалу не верили этим рассказам, считая, что я нытик. Ещё и добавляли: «Он твой отец. Смирись. Разве он желает тебе зла? А на прочих кришнаитов плюнь – нужны они тебе?» Немного позднее родные убедились,

что я не врал, но по-прежнему твердили, дескать, у них своих дел по горло, и советовали мне не принимать всё близко к сердцу. Не принимать?.. У-у-у!!!

- Кто там? – послышалось за железной дверью бабушкиной квартиры.
- Я, баба!
- О, привет! А ты чего ноешь?
- Снова батя... – пояснил я причину своего визита.
- Что опять случилось?
- Сначала я муху на кухне убил... Он наорал. Потом вдруг заходит в мою комнату и – давай про коров рассказывать. Мол, «коровы нам молоко дают, а вы их убиваете». Я говорю: «Кого я убиваю?» А он заявляет, будто я пособник убийц, потому что мясо ем. Говорил, «если бы мы не ели мясину, то коров бы не убивали». Орал-орал... От одного крика можно сдохнуть! Самое главное, что я ему ничего не делал. Он сам в комнату пришёл, сам себя разозлил, потом по роже мне дал и ушёл. Баба, я больше так не могу!
- Терпи, сынок! Он всё-таки твой отец!
- Да вы постоянно одно и то же говорите. Нет бы, прийти к нам, высказать ему всё, – обиженно буркнул я в ответ.
- Ну, а дальше?.. Выскажем, а он заявит: «Не лезьте не в своё дело! У вас своя семья, у нас – своя!» Потерпи немного. Вот вырастешь и тогда уже сам подойдёшь к нему, подынешь за уши, на диван посадишь, скажешь: «Старый, не ори!»
- Потерпеть? Значит, я должен продолжать от всех этих припадков страдать и ни за что по морде получать?!
- Прямо уж по морде?! Тоже мне скажешь!.. Нормальный у тебя папка. Просто ты его понять не можешь. Мы же с ним общаемся. Мужик как мужик, – успокаивала меня бабушка.
- Какой мужик?! Так уж он тебе всю подноготную и выложил... Ты же не видишь, что у нас дома творится. Здесь он никто, только словечками красивыми бросается. А дома... там он – король. Все для него «шестёрки» да рабы.
- Я тебя прекрасно понимаю. Ты просто не огрызайся. Он потрещит да и уйдёт!
- Не уйдёт. Он никогда не успокаивается. Надоело вечно его бред выслушивать, – пустил я слезу в который раз.
- Ну, видимо, там, в храме, его накачали чем-то, сынок. Его уже не вытащишь оттуда. Ох, даже не представляю, как он вообще туда втянулся?! Что же с ним сделали?
- Ничего с ним не сделали, – повысил я голос от беспомощности. – Никто ничем не накачивал и не поил. Пойми, что это – классный образ жизни для него. На детей тратиться не надо, жена по дому суетится, он рявкнет – все заткнулись. Сам же только ест, спит, молится этим долбаным статуэткам да в туалете сидит. Ни проблем, ни забот. Постоянно хвалится, что ни на кого спину не гнёт. Козёл! Заявляет ещё: «Мне на всё хватает!» Надо же, хватает ему...
- Так или иначе, он дал тебе жизнь, и ты должен его уважать.
- А он меня уважает? – пнул я ногой по стулу. – Сам же заявил, мол, раз я не вступаю к ним в веру, значит, не сын ему. Да пошёл он!.. Даже мать уже ни во что не ставит. Вечно твердит, что все бабы дуры, а мать – самая главная из них, и что у неё даже прав ни на что нету. Постоянно всякую ерунду из древности приводит в пример. Меня уже бесит!!!
- Ты не слушай! – как бы ругая меня, ответила бабушка.
- Не слушай? Когда к тебе без всякого повода подходят и начинают в ухо орать? Это, по-твоему, «не слушай»?

Чем дальше заходило дело, тем психованнее и дурнее становился отец. В первые годы увлечения кришнаитскими премудростями он даже специально обзванивал родственников, дабы узнать, не ел ли я у них чего-нибудь мясного. Если меня кто-то «сдавал», то дома приходилось несладко. Мне пришлось оставить хоккей, хотя моей персоной всерьёз заинтересовались два тренера. Сам я сомневался, продолжать ли мне спортивную карьеру, но батя, сетуя на то, что в поездках придётся поглощать мясо, дал тренерам отбой.

К семнадцати годам я уже заканчивал обучение в профессиональном училище. Учился на повара. За три года, проведённых в «фазанке», я ни разу не получил от бати ни копейки. А деньги нужны были постоянно: на медосмотры и продукты для учёбы, не говоря уже про одежду и просто нормальную еду. То, что отец заставлял маму готовить, я есть не мог: каждый день – вегетарианские супы на воде, простые гарниры или же индийские причиндалы с вонючими специями. Да, есть вроде бы можно. Не смертельно. Но не каждый же день...

Всё это происходило, когда кришнаитская идеология уже прочно осела в батиной голове. Но и годом-двумя ранее моя жизнь тоже сахаром не казалась. В пятнадцать лет, уже загибаясь от деспотизма отца, я начал изредка красть у него деньги. Стащив сотню-другую, я бежал подальше от дома, набирал сосисок в тесте, пирогов и прочих разностей съестного назначения и поглощал всё это со страшной силой. Остатки денег обычно раздавал знакомым или же вовсе выкидывал, чтобы не приносить домой улики. Через полгода воровать деньги стало уже гораздо сложнее: родители начали замечать пропажу денег, но я каким-то образом оставался «чистым».

Что касалось родственников, то я у них чуть ли не прописался. Некоторых даже начало нервировать, что я постоянно прихожу к ним поплакаться, поесть, выпросить денег. Когда мой воровской стаж подходил к году, я принялся таскать деньги вообще у всей родни. Без разбору! Всё происходило машинально. Я уже не был столь забитым, как ранее, но продолжал делать ЭТО. Вскоре виновник пропаж был определён, и меня многие возненавидели. Я же, прекрасно понимая, что добром мои фортели не завершатся, всё ещё продолжал совать руки в чужие карманы.

Родственники со временем меня простили и даже стали немного помогать деньгами, но даже это не останавливало моих рук. Несмотря на то, что количество хищений резко уменьшилось, я оставался в своём роде kleptomаном. И лишь когда меня поймали бывшие батины друзья, у которых я украл весьма приличную сумму, и, как следует, попинали за это – охота воровать отпала окончательно. До сих пор те полтора года вынужденного крысятничества камнем лежат на моём сердце.

- Да мы тебя в Енисее утопим, сука! Тебе родители, что ли, денег не дают, мразь? – бесновался один из батиных знакомых.

- Они на меня плюнули уже давно, – корчился я, лёжа на снегу. – Ни жрать не дают, ни копейки на руки.

- Выходит, можно у нас деньги брать?

- Я... я не хотел.

- Ещё скажи, что оголодал, бедолага... – злорадно высказался ещё один из мужиков.

- Почти. Но вам-то что?

- А попросить у нас ты не мог? Мы бы тебе на хавчик дали.

- Ничего бы вы не дали, – обиженно ответил я.

- А ты просил? Ну ладно, с земли-то встань. Что, говорят, батя совсем съехал по фазе?

- Да, он орёт целыми днями. Жрать дома нечего. Сам ест какую-то баланду и доволен.
- А мать не помогает, что ли? – удивились мужики.
- Оно ей надо? Батя её использует, а она на четвереньках перед ним ползает. Потакает ему во всём, хотя я на её месте уже повесился бы.
- А на своём месте почему не повесился?
- Я уже хотел с крыши сброситься, – тихо проговорил я, глядя в снежную яму.
- Из-за того, что мяса не дают? Совсем дурак?! – рассмеялись мужики.
- Это ерунда. Дело не только в мясе. Его проповеди меня больше всего доконали. Несёт всякую чушь. Орёт просто так. Можно...
- А ты не слушай! – прервал меня один из мужиков. – Сиди себе, в стенку смотри, а он пускай распинается.
- Не могу я. Такой ерунды ни в одной семье нет. То, что он говорит, – это полный абсурд. К тому же меня постоянно во всякой чуши обвиняет. Ему не на ком зло сорвать, вот и психует целыми днями. В храме-то он... он никто, а дома – царь. По... по... попробуй что-нибудь не исполнить, – распустил я нюни.
- Ты не ной! Мы переговорим с ним. Он совсем одурел, что ли?! На, держи деньгу! Сходишь пельменей купишь.
- Мне всё равно их негде варить. Он увидит, что... что я мясо домой принёс, по башке даст, потом часа два... два часа орать будет.
- Ну, чебурек себе возьмишь. Держи, говорю. Мы с ним разберёмся. Главное, не воруй больше, ладно?
- Хоро... хорошо, – тяжело ответил я, вытирая покрасневшие от слёз и холода глаза.
- Вот и красавчик!

В те годы батя терроризировал нас с сестрой лекциями, основанными на предсказаниях Нострадамуса. По утверждению отца, война между США и Югославией, развернувшаяся на рубеже тысячелетий, должна была перерасти в глобальную катастрофу, в результате чего все демоны подошли бы, а в живых остались бы одни кришнаиты. В некоторых речах мелькали упоминания о том, что всю Землю опутают кораллы, из-за чего опять же все демоны... На Землю должен был упасть метеорит и всех демонов... Однажды батя даже высказался о том, будто бы в 2005 году к власти на планете придёт кришнаит и наведёт всеобщий порядок.

Кому-то всё это покажется смешным. Да, я тоже смеялся, даже ржал, когда выслушивал эту чушь, но в ответ получал по лицу. Всё это происходило в привычной для меня форме: батя начинал что есть мочи орать, выпучивая глаза и разбрасывая прозрачную жидкость изо рта, заявляя при этом, что я буду гореть в аду, если не приму его веру, и что не смогу больше родиться в теле человека.

Ситуацию усугубил и приехавший к нам домой гуру. Батя собрал в квартире едва ли не всё полчище кришнаитов Дивногорска и Красноярска. И вся эта людская масса бегала вокруг толстого и лысого мужика, именуемого гуру, словно деревенские девушки вокруг голливудского секс-символа, нежданно-негаданно посетившего их окрестности. «Святоше» мыли ноги, а потом воду, «освящённую» его конечностями, жадно распивали его же ученики.

Я заперся в своей комнате, тоскливо ожидая окончания кришнаитского торжества. Время тянулось неопишимо долго. Я практически продержался, но в комнату зашла сестра и позвала меня к телефону. Я, не подумав о возможных последствиях, вышел в коридор. В эти минуты кришнаиты дружно провожали гуру. Батя, заметив, что я покинул свою комнату, показал на меня пальцем и шепнул на ухо гуру, как меня зовут. Тот клоун

посмотрел в мою сторону и, улыбнувшись во весь свой огромный рот, произнёс: «Space out!» В дальнейшем это словосочетание постоянно употреблялось отцом по отношению ко мне – с намёком, что я якобы не от мира сего и что мне, глупцу, никогда не познать их великой науки.

Каждый подобный случай всё больше и больше наполнял меня ненавистью к батю. Я перестал называть его отцом, говоря за глаза: «Кришнаит». Знакомые же, встречая меня на улице, больше не спрашивали: «Как дела?» Отныне я слышал от них что-то вроде: «Ты ещё жив?»

У кришнаита, в свою очередь, появилась прекрасная причина для издевательств надо мной. Если сестра, младшая меня на два года, обычно долго и упорно умудрялась выслушивать его бред, а потом, когда тот уходил, заявляла, как же он её достал, то я больше не мог терпеть всех этих бредней, постоянно говоря, что не буду слушать всякую чушь. А то и вовсе посылал кришнаита подальше. Всё это потом выливалось в реплики: «Он меня не уважает, так с каких щей я буду ему денег давать? Он меня даже выслушать не хочет, а потом ещё и козлом считает?» Ну, и тому подобное. Масла в огонь подливали все, кто с ним общался, «заботливо» спрашивая у меня, почему я ругаюсь с отцом, ведь он желает мне добра. Но видал я в одном месте его «добро»...

- Мне тут сказали, что ты в институт собрался поступать? – пристал он ко мне как-то раз.

- А что, нельзя?

- При чем тут «нельзя»? Просто интересно, на какие шиши ты собираешься ездить в Красноярск, чтобы экзамены сдавать и потом учиться?

- Не волнуйся! У тебя никто ничего не просит! Там надо-то тысяч пять материальной помощи заплатить, но я лучше у родни попрошу, – ответил я с отвращением к батю.

- Если честно, то у меня и нет таких денег, – ухмыльнулся он.

- У тебя-то нет?! Если бы ты хотел, чтобы твой сын учился в университете, то, на крайний случай, занял бы денег у своих кришнаитов.

- Я не имею права у них деньги просить. Вот если бы ты был преданным, тогда познал бы истинную любовь отца.

- Ага? Стал бы твоей личной «шестёркой»...

- Нет. Все прекрасно знают, что ты всегда был для меня любимым сыном. Хотя...

В принципе, ты мне не сын, а я тебе не отец. Это Кришна так распорядился. Он дал тебе уникальный шанс вырваться из пучины материализма, позволил родиться в семье преданного, но ты не хочешь пользоваться этим. Ты словно дьяволёнок какой-то, которому никогда не постичь святости. Как же я могу помогать какому-то мальчику, который меня и за отца-то не держит?

- Кто ещё кого ненавидит? Королёк выискался... – злился я от наглости кришнаита.

- Ты посмотри на другие семьи: у всех родоки поголовно бухают, курят. Да такого отца, как я, любой пацан хотел бы иметь... – гордо заявил он мне.

- Но только не я. Короче, сам говоришь, что всё это – не твоё дело, вот и не лезь!

- Я сам разберусь, что моё, а что нет. Просто потом бабушки начнут названивать, мол, «почему сыну не помогаешь?» Мне этих звонков не надо. Учти, от меня ни копейки не дождёшься, потому что мне твоя учёба не нужна.

- Можно подумать, если бы ты этого не сказал, я стал бы у тебя денег просить. Ты же лучше какому-нибудь кришнаиту позорному их отдашь, чем семье...

- Ещё раз преданного оскорбишь, я тебе всю рожу разобью, понял? – закипел он от ярости. – Что молчишь, сучонок? Я спрашиваю, ты меня понял?

- Нет, не понял! Не лезь в мою жизнь. Тебе всё равно на меня плевать.
- Твою жизнь? Да я тебя породил, я тебя и убью, говнюк!
- Ты пришёл, чтобы снова меня до истерики довести? Иди к себе в комнату. Не надо мне твоих денег.
- Так или иначе, я тебя предупредил. Как говорится в священных писаниях...
- И «кришны» мне твоей не нужно, – перебил я его. – Уйди из моей комнаты.

Пожалуйста...

- Это моя комната! Здесь всё моё!!! Ты ещё ни черта не заработал, сука! Тут твоего ничего нет! А не нравятся мои лекции – собирай вещички и убирайся на хрен из моего дома!!!
- Не имеешь права!
- Не имею? Смотрю, ты шибко умный стал. Давненько тебя не били... – заскрипел зубами батя и приготовился к «экзакуции».

Обычная картина для периода пятнадцати-девятнадцати лет. Нарвался на «прекрасное» настроение кришнаита, получил по роже, да ещё и виноватым остался...

Когда мне стукнуло семнадцать, мать тоже подалась в эту чёртову секту. Но она точно не верила в Кришну, и для меня оставалось загадкой, зачем она тогда это сделала. Правда, спустя пять лет ей было уже поздно оттуда выбираться. Кришнаит не разрешал матери работать, так как ей, отпахавшей пятнадцать лет в торговле, наверняка пришлось бы продавать мясо.

В итоге, пролежав все эти годы на диване, уткнувшись в телевизор, мать стала примитивным человеком с больным телом. И теперь, даже сильно захотев вырваться из кришнаитских пут, она не смогла бы сделать этого. С таким здоровьем мать, послав муженька подальше, осталась бы одна, чего боятся многие женщины. Но и кришнаит, в свою очередь, не ушёл бы жить в храм, хотя много раз уверял в этом меня и сестру. Там, в храме, он не был бы королём. Так вот родители и жили: не понимая друг друга, но почему-то оставаясь вместе. Мать постоянно твердила, что любит его, но, как мне казалось, это было абсолютнейшим враньём.

Всё-таки, как бы она его не защищала и не поддакивала ему, я продолжал её любить, но уважение с каждым годом куда-то пропадало. Что касалось помощи с её стороны, то таковая ограничивалась редкими подарками типа булочек, куриных кубиков и, ещё реже, конфет с пряниками. Однако, даже покупая всё это, мать долго хвасталась, как же она обо мне заботится. Но когда я говорил, что в других семьях такие презенты являются нормой, она совершенно неожиданно для меня заявляла, чтобы я шёл жить в «те» семьи. Влияние кришнаита сказывалось.

Со временем мать стала его пособницей. При её полном попустительстве тот делал всё с ещё большей наглостью и бессовестностью. Причём сама же мама в большинстве случаев получала не по заслугам, после чего долго плакала и... снова становилась рабыней кришнаита. Моё терпение не было железным. Я постоянно с ней беседовал, умоляя одуматься. Но мать лишь отбивалась фразами из арсенала своего «начальника». Меня всё это неопишимо злило.

- Мама, ну зачем ты эту позорную молитву тараторишь, как и урод? Ты же всё равно в эту ерунду не веришь, – попытался я заговорить с ней.
 - Ты вообще ни во что не веришь, так что помолчи, – совершенно неожиданно ответила она.
- Я ненадолго замолчал.

- Жили как нормальные люди. Откуда взялась эта чертовщина? Почему всё это случилось именно со мной... с нами? – сокрушался я.
- Что «случилось»? Ты вообще о чём? И, кстати, чтоб ты знал: Харе Кришна скоро завоюет все позиции на свете и станет религией номер один.
- Не станет! Может, хватит уже речи кришнаита копировать? Ты же с ума сошла, как и он.
- Ты как с мамой разговариваешь? – сделала она вид, будто обижается.
- Никак! Нормально я разговариваю. Просто хватит притворяться, будто веришь в эту чушь.
- А ты-то откуда можешь знать, верю я или нет?
- Почему ж ты тогда перестаёшь эту молитву читать, когда батя из дома уходит? Молчишь? Вот именно! Читаешь, потому что боишься его... Всё это такая бредятина! – злился я от несправедливости.
- А что не бредятина?
- Да христианство.
- Умник, чтоб ты знал, Христос – он сын Кришны. Это демоны специально Библию переделали. Иисуса вообще по-настоящему Криштос звали.
- Да ну тебя! Вы оба чокнутые! – окончательно разозлился я.
- Думаешь, почему крыша крышей называется? Потому что она, как и Кришна, нас защищает, – продолжала она свою маразматическую речь.
- Господи, когда же можно будет смыться из этого дома? – взмолился я.
- Смывайся, кто тебя держит? Шмотки в сумку и – до свидания!
- Что ты несёшь? Назло мне? Ведь ты сейчас совсем не об этом думаешь. Почему ты из себя строишь суч...? – недоговорил я.
- Кого строю? Это я-то?.. Ну, погоди! Батя придёт – он тебе вломит!
- Я не сказал, что ты... В общем, просто веди себя, как нормальный человек. Зачем притворяться и быть не тем, кто ты есть на самом деле? Ты же потом горько пожалеешь, что плюнула на меня и начала лизать зад этому козлу.
- Это ты пожалеешь, когда будешь в аду гореть. Батька тебя спасти хочет, а ты его за последнюю сволочь держишь.
- Как же твои речи низки и грязны! Всё! Я не хочу с тобой разговаривать!
- Да и не надо. Можешь больше ко мне не обращаться! – гордо ответила она.
- Можно подумать, ты мне когда-то помогала?! Продолжай рыть себе яму! Сама же загнёшься от своего «возлюбленного». Тьфу! Дождёшься, что я буду относиться к тебе так же, как и к этому уроду, – предупредил я её и стал собираться на улицу.
- Надо же... Испугал! – важно бросила она вдогонку и снова завалилась на диван.

Теперь огонь стал двусторонним. Правда, несмотря на то, что мать оставалась под влиянием кришнаита, было видно: вся эта «кухня» начала ей порядком надоедать. Когда же наступали моменты переполнения чаши её терпения, она, недолго покричав и поплакав, снова приступала к исполнению своих «обязанностей». Однако на вопросы о надобности ей того, в чём она состоит, мама по-прежнему отвечала намёками на любовь. Когда же я вдребезги разбивал её сомнительные постулаты, она начинала причитать, мол, «кому я нужна, кроме него?» Ну, неужели у неё не было родни, детей? Неужели ей не к кому было пойти? Почему надо было стать пособником разрушения семейства, крайне того не желая?

Да, она мать и жена в одном лице. Ей приходилось разрываться между двух огней. Но свой выбор она сделала в пользу кришнаита, чего не понимали её сёстры, мама (моя бабушка), и наши прочие знакомые. Я же, войдя в её положение, понимал всё происходящее лишь отчасти. Но когда она молча смотрела на то, как кришнаит в

очередной раз меня унижает, и после этого ещё вставала в позу, намекая на моё непослушание, мне становилось отнюдь не до понимания.

Будучи быстро отходящим человеком, я не успевал накопить достаточно злости, чтобы поссориться с матерью окончательно. Обычно меня необходимо было, как минимум, год доставать, дабы я вышел из себя в полном смысле этого слова. Такое, ближе к семнадцати годам, случилось с батей, которого я к тому времени не называл уже никак. Редкий случай, когда я к нему хоть как-то обращался, настаивал в момент поднятия мною телефонной трубки; и если голос просил позвать к телефону кришнаита, я находил его месторасположение в квартире и звал: «Э-э-э! Тебя к телефону!» Этим всё ограничивалось. С другой стороны, сам кришнаит нередко ко мне обращался за той или иной помощью, и я почему-то практически всегда ему помогал. Пускай и с громадной ненавистью...

Злость во мне постепенно накапливалась. Казалось, ещё день-другой, и я убью кришнаита в порыве невообразимой ярости или же сам выброшусь из окна. Ни то, ни другое не случалось ввиду наличия пустого места в моём резервуаре терпимости. Но последняя капля крови всё же пролилась. И тот случай до сих пор стоит особняком в моём мозгу, доставляя массу ужасающих и отвратительных чувств.

Кришнаит шёл домой с работы. Именно с работы. Не со стоянки, так как её к тому времени отвоевали более предприимчивые дружки, сославшиеся в вышестоящие инстанции на то, что из кришнаита хозяин такого «предприятия» – никакой. К тому же, завистливые товарищи обвинили его в невыполнении следующего пункта словесного договора: часть доходов с автостоянки должна была идти на развитие детского хоккея в Дивногорске, но хозяин, кроме лекций о Кришне, ничего детям не давал. Таким образом, кришнаит остался работать лишь в должности хоккейного тренера...

Так вот, по пути он зашёл в магазин, чтобы купить матери молока. Я стоял у окна на кухне и всё это видел. Через пару минут кришнаит уже был дома.

- Толстуха, держи молочишко. А то чахнешь тут, – оскалился он. – Наверное, весь день у «ящика» проторчала?

- Твоё-то какое дело? – недовольно ответила мать.

- Никакого. Хавать будем что-нибудь?

- Подожди! Несколько минут осталось, – сказала она в ответ, продолжая готовить ужин.

В этот момент я повернулся к ним. Внезапно кришнаит бросил в мой адрес фразу:

- Молоко будешь?

- Будто ты не знаешь, что я его не пью, – спокойно ответил я.

- А в пиуре, в печенюшках забыл, что находится? А сыр, масло, творог и другое ты тоже не ешь?

- Ем, а дальше что?

- А совесть тебя не мучает? – продолжал он.

- В каком смысле? – удивился я, а моё настроение мгновенно стало поганым.

- Коров убиваете, жрёте, а как плодами их труда пользоваться, так тут вы, мать вашу, первые! – не унимался кришнаит.

- Опять то же самое? Я уже слышал это сотню раз.

- Вот и ещё столько же послушаешь. Корова нам как мать. Когда ты рос, кто тебя вскармливал? Мать. Корова – такая же мать.

- Сколько можно повторять – я...

- Ты меня выслушай! – грозно перебил он.

- Одно и по тому же? И так каждый день это слышу.

После этой реплики он гневно посмотрел на меня. В его коварных глазищах чётко просматривался облик затаившегося хищника, готового броситься на свою жертву в любой момент. Голос его повышался с каждым последующим словом и вскоре перетёк в привычный ор.

- Вот тоже твоя мать стоит. Ты сможешь её убить?
- Хватит психовать. Это две разные вещи, – удручённо сказал я.
- Разные? Чем та мать отличается от этой? Рога есть? У твоей тоже есть: у меня по всей России дети бегают, чтоб ты знал, – не стесняясь, заявил он мне.
- Ну и гордись! – обиделся я и направился к себе в комнату.
- Куда ты пошёл? – схватил он меня за плечо. – Мы не договорили. Смотри мне в глаза, дьяволёнок! Почему же ты коров убиваешь, а свою мать не можешь? Неужто мяска не хочешь?

В этот момент он, окончательно рассвирепев, выхватил из стоявшего рядом кувшина нож, вставил его мне в руку, крепко зажал мой кулак в своём кулаке и, швырнув меня на пол, поволок по направлению к матери. Затем он принялся тыкать ножом, находившимся в моей беззащитной руке, ей в ногу.

- Давай, убей её, убей! – зашипел он в припадке.

Мать заверещала, призывая кришнаита одуматься, но тот ещё больше закипал от ярости. Я от полнейшего бессилия ревел, что есть мочи, словно младенец. Через несколько секунд не выдержал и простонал:

- Педераст!
- КТО Я?! Ах ты, сука!

Всё закончилось избиением. Я, после длительного рёва, поднялся и побежал одеваться, чтобы успеть попасть в милицию.

Подойдя к порогу, я натолкнулся на монарха, который грозно поинтересовался, «куда это мы, такие обиженные, собрались?» Всклипывая, я ответил, что ему настал конец. Но кришнаит отталкивал меня от порога, заявляя, что никуда не пустит. Когда же я попытался насильно продрасться к входной двери, то нарвался на ощутимый хук справа, который выбил из меня последние, и без того никчёмные, силы.

Я долго рыдал в коридоре, а потом убрался в свою комнату. Минут пять мне было неопишимо жутко. Больше не хотелось жить – хоть убейте! И тут кришнаит, не насладившись подвигом во имя коров, припёрся ко мне в комнату и принялся орать, но на сей раз уже не трогал меня. В любом случае, его речей я понять так и не смог. Что-то про конец света, про него как спасителя и другое...

После этого мне всё же удалось убежать из дома. Но, примчавшись в милицию, я услышал в ответ ещё более обидную речь. Как заявили крайне «добродушные» участковые, то, что творится в любой, отдельно взятой семье, их не касается. То есть, если кришнаит не прибил меня до смерти, значит, это сойдёт ему с рук?! На душе стало паршиво. Я потерял всякие надежды на спокойную жизнь в этом кошмарном для себя мире.

В последующие десять месяцев я ещё дважды обращался в милицию, и только с третьей попытки сумел хоть чего-то добиться. Оперуполномоченный пригласил кришнаита в участок на разборки. Если совсем дословно, то «для беседы». Однако испуганный, но хорошо скрывавший свой страх, кришнаит преподнёс милиционерам свои поступки как карательные меры по отношению к наглому ребёнку, то и дело оскорбляющему своего отца. В итоге я оказался крайним. И никто даже не захотел поговорить с моими родственниками для прояснения всей картины происходящего. После этого самое ненавистное мне существо на планете изо дня в день называло меня Павликом Морозовым, который заложил своего отца. Очередную чушь это же существо

произнесло сразу по возвращении из милицейской конторы: «Ты меня сдал, так что теперь не проси ни о чём!» Но никто ничего не просил уже года три. И эта его идиотская фраза едва не переросла в очередной мордобой. Благо, я не стал отвечать на беспочвенную реплику кришнаита.

Я окончательно отказался от него как от отца. Все проблемы решал с матерью. Но та всегда передавала муженьку всё то, о чём мы с ней беседовали. Она делала это не специально, а лишь по причине того, что ей необходимо было с кем-либо о чём-нибудь поговорить. В результате этого все наши разговоры автоматом выходили на суд общественности, и мне снова доставалось на орехи. Когда я спрашивал у мамы, зачем она меня выдаёт, та начинала вести себя, как и кришнаит. А всё потому, что никогда не признавала своих ошибок, отговариваясь самыми наиглупейшими способами. Правда, потом она всё же извинялась, хоть и не словесно. Я понимал это по её поступкам.

- Вы опять сегодня с уродом поссорились? – спросил я у мамы как-то утром.
- Никто не ссорился, – отмахнулась она.
- Ну, я же слышал утром, как он орал. Тарелку разбил и снова душой тебя называл. Прослушал только, из-за чего. Почему ты отговариваешься?
- Не донимай меня!
- Почему не донимать? Он тебя использует. Тебе не надоело перед ним пресмыкаться? – пытался я выбить из неё хоть одно умное слово.
- А ты бы не хотел, чтобы жена тебе служила?
- Что?! Это же глупо. Должно быть равноправие. А у вас?.. Слушай, он говорит, что уйдёт жить в храм, вот и пусть валит. Там ему будет лучше.
- Что же ты о нём забеспокоился? – съехидничала она.
- Шутишь, что ли? – выпучил я глаза. – Я, наверное, сдохну, так и не дождавшись, когда смоюсь из этой ненавистной мне хаты. А ты всегда только масла в огонь подливаешь. Думаешь, я действительно не слышал, почему он на тебя сегодня бочку катил? Ну, не прочитала ты эту молитву, сколько её там надо по норме, так что ж теперь? Сама же не желаешь во всём этом балагане находиться. Зачем ты всё это делаешь, мама?
- Чтобы спастись.
- От чего? Ты же себя только губишь. Ты оскверняешь нашу веру, коль на то пошло. Ты отказалась от родни, которая тебя жалеет. Когда ты последний раз своей маме звонила? Почему позволяешь ублюдку меня мучить? Чего ты добиваешься? Ты посмотри на себя: что с тобой стало, в кого эта «кришна» тебя превратила? Вы же на людей не похожи. Над вами все смеются.
- Смеются? – с умным видом переспросила она. – Что эти глупые люди могут понимать? Да они же погрязли в пучине материализма. А я устала мучиться в этом мире.
- Да ты сама на свои же вопросы и отвечаешь. Если бы ты раньше думала головой, всего этого не произошло бы. А сейчас тебе поможет только чудо, – констатировал я факт.
- Не чудо, а Кришна. А вот тебе действительно ничего.
- Это козлу уже ничего не поможет, если только приятели-сектанты не подымут его по «кришнаитской» лестнице. Там он станет ещё более гордым и абсолютно неуправляемым. Клянусь, если он не оставит меня в покое, я убью этого скота!
- Кого ты убьёшь? Не смейся, – наморщила она лоб. – Ты же трус. Боишься даже попробовать себя в преданном служении. Беспочтисься, как же на тебя посмотрят остальные.
- Нет уж, спасибо. Мне этого цирка не надо. Я не конченный идиот...

Летом 2001 года я решил-таки осуществить свою давнюю мечту: получить высшее образование по специальности, хоть как-то связанной с хоккейной журналистикой. Играя в хоккей с шайбой с четырёх лет, я с каждым годом всё сильнее прикипал душой к своему любимому увлечению. Именно оно меня спасало в самые критические моменты жизни: не позволило завести роман с улицей; помогало убить время, так как даже дома я играл в хоккей; а ещё давало шанс смотреть в будущее с надеждой – надеждой стать хоккейным обозревателем, комментатором или пресс-атташе какой-нибудь команды...

Поступать я собрался на факультет филологии и журналистики. Но сделать это не представлялось возможным. У меня не было денег даже на то, чтобы приехать из Дивногорска в Красноярск. Ежели какие-то копейки и появлялись, то мгновенно уходили на еду. Просьбы, адресованные матери, не увенчались успехом, даже когда я решил не просто взять у неё денег, а занять.

На счастье, у меня был далеко не бедный дед. Он приходился отчимом моей матери, но я считал его родным. К моей огромной радости, его ничуть не затруднило меня поддержать. Дед дал мне денег, которых хватило на то, чтобы каждый день в течение двух недель ездить в Красноярск на вступительные экзамены. Я чудом поступил на бюджетное отделение университета, и жизнь запахла свежим воздухом перемен. Теперь можно было целыми сутками пропадать в Красноярске, практически не видя ненавистное мне создание. Причём о моём успехе кришнаит узнал лишь от матери.

- Поздравляю с поступлением! Я всегда знал, что ты – самый умный из детей! – заявил он мне в день моего триумфального возвращения из Красноярска.

Я не ответил и даже не посмотрел в сторону кришнаита. Меня разозлило уже то, что он позволил себе якобы порадоваться моему успеху. Кришнаит продолжил:

- Хоть бы спасибо сказал. Идёт, даже не смотрит.

- За что спасибо? За то, что заставил меня побираться ходить? Деду спасибо. А тебе фиг! И хватит в добренького папочку играть. Тебе плевать на меня и на всё, что со мной связано!

- Сволочь ты неблагодарная, – огрызнулся кришнаит. – Да знаешь ли ты, что только благодаря отцу смог поступить в свой грёбанный институт?

- Благодаря тебе? Тоже мне, помощничек нашёлся, – скривил я лицо. – Нет уж, мозги мои, а деньги дедовские.

- Да если бы не я, дед не дал бы тебе ни копейки! – кричал он, стуча кулаком по стене.

Я был на несколько секунд буквально ошарашен.

«Неужели это он позвонил деду и уговорил того дать мне денег?! Ведь они уже давно не общались и даже не здоровались», – промелькнуло у меня в голове.

Не успев понять, что заблуждаюсь, услышал в довесок:

- Я за тебя сутки напролёт молился. Просил: «Кришна, помоги моему сыну! Пускай он поступит!» Если бы твой отец не служил Кришне, ты бы сейчас не в университетах учился, а на помойке жил, придурок! Когда же ты поймёшь, что всё это действует?

- Как у тебя только наглости хватает такое говорить?! Что действует?

- А то, что лишь благодаря преданному служению отца ты сможешь спастись. Только поэтому родственники не посылают тебя подальше, поэтому дед дал тебе денег, поэтому ты не болеешь. А если бы ты сам встал на этот путь, то, как минимум, в следующей жизни родился бы человеком, а не тараканом, собакой или ещё кем-нибудь.

- Хватит прикидываться папочкой. Меня это уже напрягает, – злобно ответил я ему.
- А вот если будешь оскорблять родителей, тебе всю жизнь придётся получать и огребаться. Мне достаточно проклясть тебя, и вся твоя жизнь пойдёт под откос. Кришна всё видит. Ты не представляешь, насколько сильно моё влияние.
- Посмотрим! – сказал я, швырнув находившийся в руке журнал на комод. – Надо же, всемогущий! Близок тот день, когда я припомню тебе всё до каждой пролитой слезинки. И фамилию с отчеством сменю. Быть сыном такого животного – позорно!
- Давай-давай! Зарабатывай себе карму! – потирал он руки.
- Какую карму? Да противостояние такой нечисти, как ты, наоборот, будет расцениваться, как благое дело...

Отныне у меня были деньги. Я получал стипендию, подрабатывал журналистом в красноярских изданиях и изредка получал незначительные суммы от деда и двух бабушек. Что касалось кришнаита, то он, будучи уже не столь страшным для меня, практически перестал махать кулаками. Теперь его любимым делом в плане «воспитания» было, например, оскорбить меня в глазах моих же знакомых, порвать тетради с лекциями или сломать что-нибудь в моей комнате. Но, главное, крики продолжались. А именно их я и не мог переносить больше всего. Лучше бы он лез в драку – я мечтал с ним поквитаться...

По окончании первого курса университета я уже не замечал этого существа. Как будто его и не было вовсе. Но кришнаит по-прежнему искал поводы для снятия своих стрессов, которые однозначно исходили из того положения, в которое он сам себя загнал около шести лет назад. А возврата оттуда уже не было.

Я начал считать нашу квартиру коммуналкой, так как сборища кришнаитов не только продолжались, но и пополнились ребятами из дивногорского интерната. Последние приходили к нам домой ежедневно. Кришнаита к тому времени вытравили из хоккейной секции, так как кроме проповедей от него там ничего больше не слышали. И отныне он, устроившись на работу в детский дом, принялся пудрить мозги обездоленным ребятам, которые за лишний кусок пищи видели в нём чуть ли не отца. Он же упорно лепил из них кришнаитов, постоянно намекая мне на то, что они, будучи младше меня на десяток лет, являются куда более умными, приняв его веру.

Помимо лекций о «жизни» кришнаит позволял себе подымать руку на непослушных интернатовцев. Когда я интересовался, почему же он нарушает заповеди Кришны и применяет насилие, тот объяснял, что это – его работа, и никто, кроме него, не научит этих «заблудших» настоящей жизни. «Заблудшие» же, надеясь на чудо, несли кришнаиту деньги в качестве пожертвований: кто рубль, кто чуть больше. Суммы накапливались незначительные, но факт оставался фактом. Брать деньги у обездоленных детей – низость. Однако кришнаит так не считал, говоря, что детдомовцы совершают огромное служение, и Кришна даст им в сотни раз больше, позволив вернуться на райские планеты.

- Ты всю жизнь называешь окружающих трусами, – высказал я ему как-то раз. – Почему? Да потому, что ты – главный трус в мире. Махать кулачишками мог только передо мной, и вот теперь перед обездоленными малолетками. Я уже молчу о твоём побеге из этой опасной жизни. О том, что ты веришь в Кришну, можешь рассказать какому-нибудь там дяде Ване. А мы-то с тобой знаем, что ты просто спрятался от всех жизненных головняков и нашёл самый элементарный способ существования на земле. К

вам в братию идут только зеки, наркоманы, неудачники или просто глупцы да лентяи, как ты.

- Вы посмотрите, как великий журналист заговорил! – рассмеялся кришнаит.

- Когда я учился в «фазанке» на повара, ты называл меня великим кашеваром. Теперь вот журналистом. Это всё, на что ты способен? Придираться к человеку по поводу того, что он умеет в отличие от тебя, жалкого и убогого кришнайтишки? В твоей черепной коробке – пустота. Как ты можешь сравнивать с собой не то что меня, а вообще любого человека?

- Ты хочешь сказать, что я тупее тебя?

- Ты тупее всех! По крайней мере, в нашем городе. Это чтобы не преувеличивать, – сказал я, слегка насторожившись, готовясь к возможной драке.

- Ха-ха-ха! – закатился он сумасшедшим смехом. – Да в Дивногорске живут одни животные. Ты даже признать не хочешь, что твой батя – самый умный человек в этом городе. Не зря же гуру посоветовал мне не портить нервы, доказывая этим людишкам, в чём заключается истинный смысл жизни. Эти материалисты всё равно ничего не поймут.

- Только законченная и наглая тварь может сказать о себе такое! – зло проскрипел я, сжимая правую руку в кулак, по-прежнему ожидая его внезапного удара, которого почему-то не было.

- Я же говорил, что ты будешь жутко несчастным в следующей жизни, потому что оскорбляешь отца. Ты даже не представляешь...

- Ты мне не отец! – перебил я.

- Да хрен с тобой! Ты даже не представляешь, – продолжил кришнаит, бывший к тому времени уже брахманом, о чём говорил всего-навсего какой-то тряпичный шнурок, болтавшийся у него на шее, – что тебя ожидает в следующей жизни, стоит мне только захотеть сделать тебя несчастным.

- Ой, страшно! Трепещу от ужаса! Не делайте меня несчастным, дяденька! – съязвил я.

- Баран! Ты не знаешь, что такое гнев брахмана! – хотел начать он очередную «поучительную» лекцию, но я отправился к себе в комнату. – Вали-вали! Твоё счастье, что ты всё-таки мой сын, а то бы я тебя проклял.

- Ого, я уже твой сын? – усмехнулся я, не оборачиваясь. – Весело живём! Проклинай! Только пупок не надорви, когда будешь напрягаться в процессе сеанса проклятия, придурок!

- Это ты у нас придурок! – бросил он вдогонку. – Это тебя ждёт несчастная жизнь, а не меня. Это ты и тебе подобные будут всю жизнь страдать, болеть, голодать, мучиться от того, что «шляпа» не стоит... Вот уж точно говорят: в семье не без урода!

- Да, ты прав, урод: в семье не без тебя...

Так как по достижении совершеннолетия всерьёз задумываются о личной жизни, я, уже донельзя вымотанный совместным проживанием с кришнаитом, стал помышлять о размене квартиры. Жилищный вопрос долго сходил на «нет», пока я, в середине обучения на третьем курсе, не припугнул кришнаита судом. Он потом долго твердил, что у меня ничего не выйдет, что я окажусь на улице. Вскоре выяснилось: моё положение и впрямь не из лёгких, так как наша квартира, оказывается, не была приватизирована. Получается, все эти годы мать мне врала, заявляя о том, что жильё находится в нашей собственности...

Ещё полгода мы с кришнаитом лаялись, и в конце весны 2004 года он уступил. Но не по доброте душевной. Мой брат, уехавший в Подмоскowie ещё до того, как батя погряз в кришнаитском «болоте», разумеется, тоже захотел получить свою денежную долю. Сами же кришнаиты в то время якобы строили для «своих» домики в Красноярске, дабы жить

дружной семьёй. Чтобы туда перебраться, кришнаиту необходимо было внести небольшую сумму в строительство. Деньги он мог найти лишь в результате размена.

Ближе к лету мы приватизировали квартиру. Причём я, брат, сестра и кришнаит написали отказ от приватизации, дабы матери – хозяйке квартиры по ордеру – легче было, по словам «царя», заниматься документацией. За это время папаша успел поссориться, что удивительно, и со старшим сыном. Мой брат за полгода до размена погрузился в христианство. И теперь кришнаит наставлял на путь «истинный» его, а не меня: поначалу просто критиковал, а затем стал оскорблять. Брат же был мудр, когда после приезда из Подмосковья поселился не у нас, а у дядьки. По словам братишки, он выбрал дядькино жилище потому, что просто-напросто не мог находиться в нашей квартире. Его как воистину верующего человека разбирало какое-то непонятное, скверное чувство неуютности, царящее у нас дома. Чувство, которое он сам даже не мог толком объяснить.

Потом пошло самое нервное время всей этой истории – время подбора вариантов. А разменять четырёхкомнатную квартиру, да так, чтобы всем хватило, не представлялось возможным. Но как только находился, казалось бы, устраивающий всех вариант, своё веское слово брал кришнаит. И так около десятка раз. Одна отговорка «краше» другой...

- Так, а где ты собрался жить? – спросил он у меня после того, как появился очередной вариант размена.

- Ты мне мою долю отдай, а я уж разберусь. Мне сейчас всё равно, главное, смыться подальше от твоей гнусной рожи, – ответил я.

- Тебе только на общагу хватит.

- Какое твоё дело? – покосился я на его деловитое лицо. – Хоть в колодце, только бы никогда с тобой больше не встречаться.

- Кстати, ты в курсе, что преданные сказали мне заплатить уже не ту сумму, которую я тогда тебе называл, а почти в два раза больше? – спросил он, пытаясь хоть как-то мне насолить.

- Хватит уже наглеть да сказочки сочинять, – взорвался я. – Ты ещё раз какую-нибудь чепуху придумаешь, и я в суд обращусь. Они без тебя сами всё разменяют. Тогда уже ты без квартиры останешься.

- Давай! Неужто ты хочешь сестру с братом лишить жилья? – злобно заулыбался кришнаит.

- Они без жилья не останутся.

- Кто это сказал? Я в любом случае свою долю заберу. Ты продашь сейчас квартиру за ту сумму, которую нам предложили... Но денег-то всем не хватит. Получится, что ты подставишь брата с сестрой.

- Если даже и не продавать сейчас, ты потом всё равно какую-нибудь сказку выдумаешь, чтобы затянуть весь этот процесс. Думаешь, я тебя не знаю? К тому же цены безбожно растут. Прождём неделю-другую и вообще без всего останемся. Чего ты, гнида, добиваешься? – настала уже моя очередь орать.

- Чтобы ты, как следует, пострадал и понял, какая это сложная штука – жизнь.

- Я и без того своё выстрадал! Но ты, смотрю, сука, не насытился. Ещё бы... Я вырос, так что до меня уже не подокапываешься. Сестра выросла, значит, тоже власть из рук ушла. Душить некого, и ты решил напоследок взять своё? – гневно кричал я на него. – Подожди, подонок, я тебе отомщу. Нет, не так, как ты. Не кулаками. Это как раз и есть трусость. Я сделаю иначе. Ты больше ни черта обо мне не услышишь. Я постараюсь сделать всё, чтобы ты никогда больше не встретился мне на пути. А главное, добьюсь того, чтобы кто-нибудь тебе однажды сказал: «Смотри, а твой средний-то чего добился...»

Но я отвечу, что это заблуждение, так как у меня нет отца. Пошёл ты, кришнаит!..

Ближе к концу «горячего» лета в наши дела, наконец-то, вмешались родственники. Одни призывали нас всех одуматься:

- Такая квартира у вас. Вот разбежитесь сейчас, и что дальше? Помиритесь же вы, ей-богу, пока не поздно!

Другие предъявляли претензии кришнаиту:

- Когда ты стал совершеннолетним и нашёл себе девушку, твоя мама сама разменяла квартиру, мол, на, сынок, живи на здоровье – не тужи. Потом ещё дед помог: считай, двухкомнатную подарил. Коль уж на то пошло, ты квартиру-то и не заработал сам. Так почему же не хочешь, чтобы твои дети жили, как все нормальные люди?!

Но «герцог», после ухода непрошенных для него гостей, предъявил мне:

- Квартиру захотел? Да я могу тебя, сучонка, просто «кинуть», тебя даже в приватизации нет.

Тогда я и понял, что тот отказ от приватизации был делом рук кришнаита. Точнее, делом его мыслей. Братишка же, понимая, что кришнаит не так прост, как кажется, и что я жутко устал от всей этой затянувшейся галиматши, просил меня не злиться и подождать ещё немножко. Говорил, что совсем скоро всё закончится и жизнь наладится...

Пройдя череду ужасающих неурядиц, мы продали-таки квартиру. Я намеревался перебраться в Красноярск. Но сумма, доставшаяся мне, была настолько ничтожной, что я не имел возможности купить даже комнату, не говоря уже о гостинке. Братишка получил и того меньше. Лишь с божьей помощью мы с братом смогли купить мне жильё в старом посёлке между Дивногорском и Красноярском. В конце концов, я покинул-таки проклятую кришнаитскую квартиру и настраивался на новую жизнь.

Брат же, получив свою часть денег и подождав, пока я обживусь на новом месте, улетел к себе в Подмосковьё. Спустя пару месяцев он женился. Сестра же со своим другом до поры до времени должна была пожить с родителями в двухкомнатной квартире в Дивногорске, после чего те переехали бы в Красноярск – в кришнаитские пенаты.

Прошло почти два месяца, и я решил навестить сестру с мамой. Приехав к ним домой, я спросил, не зайвится ли сюда кришнаит, потому что не хотел его видеть. Оказалось, что он с ними уже как бы и не жил. Он приезжал домой изредка, в основном пропадая в кришнаитском храме...

Прошёл год. Кришнаиты так ничего и не выстроили для «своих» собратьев, зато практически перестали навещать мою матери. Сестра вышла замуж, но по-прежнему жила с мамой. Со временем у меня появилась племянница. Вскоре, наконец-то, забеременела и жена брата. В моей личной жизни тоже намечался просвет, но, увы, год любви на деле оказался годом неразделённой любви, а о девушке моей мечты остались только воспоминания в виде двух обручальных колец, приобретённых, к сожалению, зря.

Лишь одно оставалось неизменным: жизненная дорога больше не сводила меня с кришнаитом...

Как же прекрасна жизнь! Казалось бы, всё позади. Ты выжил. Хотя как же иначе? Иначе и быть не могло. Расслабься! Но ты снова опечален. У тебя депрессия. Да что же с тобой происходит? Что? Думаешь, этого никто не поймёт? А стоит ли понимать? Все говорят, что ты – классный парень, что с тобой легко, что не нужно никем притворяться и можно говорить абсолютно всё, что вздумается, ведь ты поймёшь. Почему же ты себя, как и многих окружающих, ненавидишь и во всём замечаешь только плохое, считая, что вся жизнь – сплошь грязь и фальшь? Семейная драма, говоришь? Но она позади. Да-да, теперь

многие знают, через что ты прошёл, и понимают, что такое долго не забывается, порой даже никогда. Но в чём же всё-таки дело?..

Тыходишь к зеркалу, смотришь на своё отражение и видишь там ЕГО. И настроение мгновенно пропадает. Охота разозлить зеркало вдребезги. Теперь ты видишь окружающих насквозь и не можешь им простить даже малейшего проявления вранья, насилия, глупости и вообще того, что окружало тебя в минувшие годы. Твоя критика так и сыплется наружу. За такое правдуробство тебя многие уважают, но не любят. Жизнь начинает напоминать войну бунтаря с большим миром...

Но наступают редкие моменты самоуспокоения, и ты перестаёшь, пускай и на некоторое время, думать о плохом. В душе начинают теплиться шансы на то, что тебе всё же удастся обрести своё счастье в жизни. Теперь цель этой самой жизни – сделать всё возможное, дабы после любого поступка тебе не пришло в голову, что точно так же когда-то поступал кришнаит. И, главное, чтобы ТВОИ дети с любимой женой гордились тобой и приводили всем в пример. Ведь именно в этом заключается жизненное счастье. Иначе просто не стоит жить.

Первая часть дилогии «Кришнаит», книга «Близкие и чужие», 2004-2005 гг.